

Глава 7

Цзян Сяои в этом году исполнилось девятнадцать. Все гэ'эры его возраста в деревне давно были замужем, остался только он один. Теперь, куда бы он ни пошёл, за спиной то и дело слышался шёпот. Кто-то жалел его, кто-то сокрушался, что в таком возрасте ему будет трудно найти хорошую партию. Судьба девушки или гэ'эра такова: первую половину жизни они зависят от семьи, вторую — от мужа. А у него, похоже, и первая половина жизни была горькой, и вторая будет не лучше.

Цзян Сяои понимал это. Когда ему только исполнилось шестнадцать, и кто-то заводил разговор о сватовстве, он упрямо твердил, что братья ещё малы и нуждаются в нём, а о прочем он подумает позже, когда они подрастут.

В том, что всё так сложилось, винить было некого. Это был его собственный выбор, и он о нём не жалел.

Но иногда, когда он уставал так, что не мог разогнуть спину, когда от голода кружилась голова, когда он видел пустой ларь для риса, а у второго брата заканчивалось лекарство и тот кашлял так, будто вот-вот умрёт, им овладевало отчаяние. В такие моменты он мечтал, чтобы рядом был близкий человек, понимающий и надёжный. Не для того, чтобы тот помогал ему в работе, а просто чтобы был рядом, когда нужна опора и поддержка. И, конечно, видя сверстников с детьми на руках, он не мог не завидовать.

Он был неглуп и понимал, что, выйдя замуж, не сможет тащить вещи из дома мужа в свою семью. Его отец днём рубил дрова в горах, и за домом и огородом следить было некому. Он просто хотел бы время от времени приходить и помогать.

Но, прожив в деревне больше десяти лет, он знал, что даже в одной деревне не принято часто ходить в родительский дом. Семья мужа этого не одобряет.

С его-то положением, да ещё и в таком возрасте... На хорошую девушку сто женихов, а к нему за все эти годы ни одна сваха не заглянула. Выбирать не приходилось.

Поэтому сейчас он не стал возражать. Две его тётушки не желали ему зла. Он не мог отвергнуть их доброту, к тому же, если бы он отказался, по деревне пошли бы слухи, что у него судьба — не сахар, а амбиций — выше крыши, раз он даже от такого парня нос воротит.

— Ты согласен? — спросила старшая тётушка.

— Да, — кивнул Цзян Сяои и, помолчав, добавил: — Если они не будут против, и если разрешат мне часто навещать родных.

Старшая тётушка ласково похлопала его по руке.

— Твоего слова достаточно. Завтра я пошлю твою невестку.

Цзян Сяои посмотрел на Цзян Ши.

— Тогда побеспокою невестку.

Цзян Ши была женщиной крупной, как говорится, кровь с молоком. Улыбаясь, её глаза превращались в щёлочки. Сидя рядом с худыми, как жерди, Цзян Сяои и его тётушками, она казалась огромной. Она вышла замуж за Цзян Даню в двадцать один год. Раньше парни обходили её стороной из-за её стати, и она засиделась в девках. Потом её семья объявила, что даст за неё всего два лян приданого, и семья Цзян отправила сваху.

На свадьбу Цзян Даню и Цзян Ши отец и сын Цзян Сяои ничего не подарили. Но кровать, шкаф, стулья и прочая мебель в её комнате были сделаны из нового дерева, которое отец и сын Цзян Сяои срубили в горах и принесли в дом старшей ветви.

Свежесрубленное дерево очень тяжёлое. Найти подходящие для мебели стволы — уже непростая задача, не говоря о том, как трудно их срубить и вынести из глухого леса. Если бы они не отдали их, а продали в городе, выручили бы немало денег.

Когда Цзян Ши вышла замуж и увидела, что её новая семья то и дело что-то носит во второй дом, она забеспокоилась. Старшая тётушка, чтобы успокоить её, рассказала ей эту историю и добавила:

— Ты ведь знаешь, каково положение во втором доме. Сейчас там только твой третий дядя, братьев у него нет. У него трое детей, а шестой твой двоюродный брат слаб здоровьем, то и дело приходится возить его в город. Иглоукалывание и лекарства нельзя прерывать. А в наше время лечиться — дорогое удовольствие. Все деньги, что зарабатывают твой дядя и Сяои, уходят на это. Если твой дядя однажды не сможет работать, твоему шестому брату, наверное, придёт конец. Твоего свёкра и второго дядю спасли они, из второго дома. Твои младшие дедушка и бабушка рано умерли, остался только твой дядя. Его семье нелегко, мы должны помогать, чем можем. Нельзя быть неблагодарными.

Второй дом не всегда был таким бедным. Раньше они жили вполне зажиточно. Дед Цзян был плотником и работал в городе. Там он и познакомился с бабушкой Цзян.

Никто в деревне не знал, откуда она родом. Знали только, что она была артисткой, играла на гуцине в чайных. Хоть она и не продавала своё тело, но выступать на публике считалось зазорным. Бабушка Цзян была красива, но, видимо, насмотревшись на богатых повес, не пошла в наложницы к богачу, а выбрала честного и небогатого деда Цзян.

Она хорошо играла, а в чайные ходили люди не бедные. Если им нравилась музыка, они щедро её награждали. Бабушка Цзян пришла в дом деда с богатым приданым. После свадьбы она осталась в деревне.

Старшая ветвь семьи была бедной с самого начала. И сейчас, и раньше. Вскоре после того, как бабушка Цзян родила отца Цзян, старший и второй дяди заболели оспой. Старшая ветвь потратила все деньги на их лечение в городе, но болезнь не отступала, а сбережения кончились. Когда их выгнали из лечебницы, дед и бабушка Цзян принесли им тридцать лянов серебра.

Это может показаться небольшой суммой, но для деревенской семьи, если экономить, этого хватило бы на год.

В городе их вылечить не смогли. Бабушка Цзян нашла знакомого купца и попросила его разузнать об этой болезни. Купец сказал, что есть один старый врач, который может помочь, но живёт он в столице префектуры. Этот купец был добрым человеком. Он знал, что деревенские жители никогда не были дальше города, и если они поедут сами, то в огромной столице, скорее всего, не найдут врача, а дети умрут. Поэтому он отвёз их туда.

Старшая ветвь семьи знала, что всё это делалось из уважения ко второму дому.

Хотя прошло уже несколько десятилетий, они никогда не забывали этой доброты.

Их помощь сейчас — это всего лишь физический труд и немного еды. Этого не сравнить с теми тридцатью лянами.

Если бы не те тридцать лянов, старший и второй дяди, скорее всего, давно бы умерли.

А если бы не было свёкра, не было бы и мужа.

Цзян Ши была благодарна второму дому даже больше, чем тётушки. К тому же, хоть она и недавно вышла замуж, она считала Цзян Сяои хорошим человеком. Трудолюбивый, послушный. Взять такого в мужья — значит, жить в достатке.

Её двоюродный брат был ей не чужим, и она, конечно, желала ему хорошей жены.

Если бы Цзян Сяои был плохим, она бы не стала хлопотать, даже если бы второй дом заплатил ей триста лянов.

Цзян Ши махнула рукой.

— Свои люди, чего стесняться! Третий брат, не волнуйся. Хоть я и давно не видела своего двоюродного брата, но он хороший парень. Моя мама в прошлый раз говорила, что его заметил управляющий, и, может, в следующем году он станет старшим! Тогда и зарплату поднимут. Это уж точно лучше, чем этот Тан... Тан как его там?

При упоминании о сестре Цзян Сяои лица тётушек помрачнели, и они недобро произнесли:

— Тан Вэньцзе.

— О, точно, — хлопнула себя по ляжке Цзян Ши. — Точно он. Небось, просто грамотей, который знает пару иероглифов! Учится уже больше десяти лет, а толку никакого. Что в нём такого особенного?

Она говорила с возмущением. Двоюродная бабушка, заметив, что Цзян Сяои помрачнел, похлопала её по руке.

— К чему сейчас об этом?

Цзян Ши не заметила её взгляда. Она была женщиной плотной, и этот шлепок был для неё что слону дробина.

— Да так, просто обидно. На это учение кучу денег уходит. Тан Вэньцзе уже за двадцать, а он даже на сюцаа не сдал. До сих пор на шее у родителей сидит! А их лавка, по-моему, не так уж и процветает. Если он и дальше не сможет сдать экзамены, им придётся по миру пойти, — она толкнула Цзян локтем и усмехнулась. — По-моему, мой двоюродный брат намного лучше этого Тан Вэньцзе. Если у вас всё получится, посмотрим, чем тогда будет хвастаться твоя сестрица.

Последние слова она произнесла со скрежетом зубов.

Казалось, у неё с Цю Цуйцуй была кровная вражда.

Тётушки не знали, почему она так невзлюбила Цю Цуйцуй. Ведь когда Цзян Ши вышла замуж, Цю Цуйцуй уже давно уехала с матерью в город. Но Цзян Сяои всё знал.

Когда Цзян Даню женился, он вместе с Цзян Сяои поехал в город, чтобы сообщить об этом Цю Цуйцуй.

Хоть Цю Цуйцуй и не была из семьи Цзян, она прожила в их доме больше десяти лет. К тому же они с Цзян Даню были ровесниками и в детстве часто играли вместе. Только когда Цю Цуйцуй подросла, её мать сказала, что девушке не подобает постоянно слоняться на улице, и они стали видеться реже.

Теперь, когда её мать снова вышла замуж, Цю Цуйцуй тоже сменила фамилию и больше не имела никакого отношения к семье Цзян. Но ссоры старшего поколения не должны были касаться младших. Его мать тоже говорила, что Цю Цуйцуй выросла в их доме, и о таких вещах следует сообщать. Цзян Даню, помня о детской дружбе, хотел пригласить её на свою свадьбу. Но кто бы мог подумать, что Цю Цуйцуй, увидев его, посмотрит на него свысока и скажет, чтобы он не лез к ней в родственники. Кто он такой, чтобы её приглашать? Увидев рядом с ним

Цзян Сяои, она с улыбкой обозвала его дрянью и сказала, что после прошлого раза у него ещё хватает наглости приходить к ней.

Цзян Даню был в ярости. На обратном пути он спросил у Цзян Сяои, обижала ли его Цю Цуйцуй раньше. Но Цзян Сяои не проронил ни слова. Позже, когда Цзян Даню с Цзян Ши поехали на рынок, Цю Цуйцуй случайно встретила их на улице. Она смерила Цзян Ши презрительным взглядом с ног до головы и съязвила. Цзян Ши до сих пор помнила её слова: «Надо же, на такой женился! Даню, а ты смелый».

Что это должно было значить?

Цзян Ши тогда не поняла, но потом, поразмыслив, возненавидела Цю Цуйцуй.

Двоюродная бабушка, будучи человеком мудрым, вылила на неё ушат холодной воды.

— Даже если он не сдаст экзамены, он ведь грамотный! Даже если не сможет продвинуться дальше, легко найдёт работу получше, чем твой двоюродный брат.

Цзян Ши тут же замолчала.

Двоюродная бабушка посмотрела на Цзян Сяои и серьёзно сказала:

— Сяои, живи своей жизнью. Не надо с ней соревноваться.

Да и соревноваться было бесполезно.

Цзян Сяои кивнул.

— Я знаю.

Дело было сделано. Цзян Сяои всё ещё думал о вяленом мясе дома и сказал, что ему пора.

<http://bllate.org/book/13701/1582021>